

*И.Е.Кознова,
кандидат исторических наук,
Институт философии РАН*

Власть в памяти крестьянства России¹

В контексте обсуждаемой проблемы большой интерес, на наш взгляд, представляет вопрос об отражении в сознании крестьянства, а также в его памяти отношений с властью.

Память — явление многоуровневое. Существует множество определений социальной памяти. Перефразируя П.Бурдьё, можно сказать, что память — это символическая борьба по поводу восприятия социального мира². Социальная память — это не столько воспомина-

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-01-00364).

² Бурдьё П. Начала: Пер. с франц. М., 1994. С. 195-198.

ние о прошлом, сколько процесс конструирования прошлого (в том числе посредством воспоминаний), воображаемое прошлое. Однако память, по выражению П.Нора, — всегда настоящее¹. Поэтому прежде всего вспоминается то, что созвучно сегодняшнему состоянию.

Что в связи с этим выходит на первый план в памяти крестьян о власти?

Если говорить о памяти людей, представленной многочисленными устными и письменными свидетельствами, воспоминаниями, дневниками, в XX в. заметна следующая тенденция: актуализация прошлого опыта у крестьянства идет с учетом его отношений с властью разного уровня, отношения "власть — крестьянство" включаются в орбиту крестьянской памяти. Они имеют постоянную нишу в крестьянской памяти, на многие, если не сказать, на все события своей истории в XX в. (и прежней) крестьянство смотрит с позиций этих отношений. Они же могут быть интерпретированы и как отношения "деревня — город" (образ города в крестьянской памяти — специальная тема, но здесь есть и много общего).

В XX в. для деревни в целом становится характерной привычка жить в системе координат "крестьянство — власть". Во-первых, именно в XX в. крестьяне практически впервые освоили новое социальное пространство, на смену локальным выступлениям (даже принимающим характер крестьянских войн) пришли российские аграрные революции. Произошел переход от ожиданий земли, воли, политических прав "сверху" к самостоятельным действиям. Крестьянство стало претендовать на активное участие в политическом управлении жизнью страны (претензия в действительности во многом иллюзорная). Но уже первое послереволюционное десятилетие расставило все по своим местам: документы, исходившие из крестьянской среды прежде всего письма в центральные и местные партийные и советские органы, газеты и журналы, свидетельствовали о том, что крестьяне оценивали политику власти относительно деревни как несправедливую, а сами они были отторгнуты от власти. В то же время включение во власть сохранилось в их памяти как важнейший канал социальной мобильности².

Одновременно формировались новые способы организации памяти, усиливалось влияние официальной памяти; различные СМИ очень сильно расширили возможности манипулирования коллективной памятью.

Память официальная и память неофициальная существовали во все времена. В принципе устная традиция народной культуры

¹ *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // History and Memory in African-American Culture / Ed. G.Fabre, R.O'Meally. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 289.

² См.: *Штейнберг И.Е.* Крестьянство и власть: Тенденции трансформации. Исследование власти в постсоветском селе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 465-469.

позволяла ей быть в какой-то степени независимой от официальной памяти, несмотря на то что царская власть, например, делала немало для того, чтобы влияние официальной памяти на народ усиливалось. К тому же власть не жаловала народную память, сохранявшую свидетельства о своих народных защитниках. Правда, в народе присутствовал пиетет перед верховной властью и ее наиболее выдающимися представителями, что нашло отражение в фольклоре. И хотя советское крестьянство по-прежнему сохраняло в памяти уважение к власти, в XX в. стала более заметной и явной другая линия, наложившая отпечаток на его память. Высшая власть удалялась и уничижительного, и панибратского отношения. Те или иные события крестьянской истории оказались персонализированными в памяти. Фольклорная память о власти в XX в. хотя и уступила место памяти реальной, но не была вытеснена окончательно, а последняя не избежала мифологизации.

Реальность же подтвердила характерное для существования крестьянских сообществ подчиненное положение по отношению к обладателям экономической и политической власти — произошло своего рода возвращение на круги своя. В классических крестьяноведческих исследованиях (работы Дж.Скотта, Т.Шанина и др.) отмечается, что политическая подчиненность крестьян переплетается с подчиненностью культурной, а также экономической эксплуатацией через налоги, ренты, проценты и невыгодные для крестьян условия торговли. Подчинение сопровождается постоянными актами самозащиты крестьян с использованием "оружия слабых". Поскольку крестьянство сохраняет представление о себе как о кормильце общества, подчиненность может стать (или не стать) источником конфликта в зависимости от того, усиливается она или ослабевает (но она всегда — явно или скрыто — присутствует). *"Все равно, какая бы власть ни была, нам, крестьянам, пахать"*, — заявлял анонимный автор в письме, хотя ему все же хотелось за свои труды иметь и пшеничную муку¹. *"А главное, мне все равно, какая партия у власти, лишь бы она боролась не за власть, а за возрождение и укрепление нашей экономики"* — отмечалось в письме из Белгородской области в 1999 г., направленном в газету *"Будильник депутата"* Государственной Думы².

Крестьянам памятно все, что относится к давлению властей и попыткам крестьян противостоять этому давлению. Страх, боязнь, память о психологической боли, об издевательствах и унижениях — все это сохранялось как модель поведения людей. В XX в. развился травмирующий опыт крестьянства. То, что крестьяне помнят о своих столкновениях с властью, с ее представителями, с

¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 210. Л. 1017.

² Голоса крестьян-2. Ч. 1: Крестьяне Белгородской области пишут в Думу. К аграрной программе "Яблока". М., 1999. С. 15.

теми, кто стоял выше их в системе социальной иерархии — яркое подтверждение тому, что конфликты памяти особенно остры в тех обществах, в которых наиболее глубоко внедрена "память о конфликтах". Конфликты памяти "крестьянство — власть" — одни из самых острых в XX в.

Оценка "раньше", так же, как и "теперь", имеет и позитивный, и негативный смысл, в зависимости от критериев, по которым оно оценивается. Критерием могли быть и отношения "крестьяне — власть" (точнее, характер этих отношений на шкале — "добро — зло", "справедливо — несправедливо").

Слово "власть" — одно из ключевых слов крестьянской памяти. Реальна или искажена в связи с этим картина памяти? Может быть, это свидетельство десакрализации власти, о чем говорил в своем выступлении А.В.Гордон?

Коллективная память бесписьменного общества (традиция этой памяти сильна в крестьянском обществе, несмотря на проникновение в него письменной традиции) призвана сохранять сведения о порядке, об обычном, принятом, поэтому она ритуальна по своей сути. В то же время в письменных обществах запоминаются, как правило, прежде всего исключительные события, т.е. события единичные или в первый раз случившиеся¹. В свое время А.Бергсон замечал, что всегда есть несколько преобладающих воспоминаний, ярких точек, вокруг которых остальные образуют неопределенную туманность. Эти яркие точки множатся по мере расширения памяти: "Процесс локализации воспоминаний в прошлом, например, вовсе не заключается в том, чтобы рыться в массе воспоминаний как в мешке и вытаскивать оттуда все более сближенные воспоминания". Необходим некий ожидаемый образ, на который будут "наизаны" другие воспоминания².

Если бы свидетельства памяти были представлены только письмами и жалобами в органы власти и средства массовой информации, можно было бы ставить под сомнение силу и масштаб "властного" компонента крестьянской памяти. Однако другие типы документов (дневники, воспоминания, автобиографии, семейные истории) в большей или меньшей степени содержат свидетельства памяти о власти. Вместе с тем нерасчлененность крестьянского бытия, единство природного и социального, неисчерпаемость крестьянской памяти, наслаивание одних ее пластов на другие затрудняют выделение четко выраженных границ у составляющих крестьянской памяти. Так, земля — основное понятие в структуре крестьянской идентичности. С землей связаны все формы крестьянской памяти: память-действие (ритуал) и память-воспоминание. Земля объединяет другие

¹ См.: Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // *Лотман Ю.М. Избранные статьи*: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 103.

² Бергсон А. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу: Пер. с франц. СПб., 1911. С. 182-183.

компоненты памяти, присущие разным поколениям крестьян в XX в. (семья, сельская общность). Но зачастую память крестьян о земле — это и память о власти, а память о власти — это одновременно и память о сельской общности, память о крестьянском хозяйстве — точно так же одновременно и память о власти и сельской общности, хотя не всегда, вспоминая свое хозяйство, крестьянин вспоминает власть разных уровней.

Так, в XX в. крестьянская память сохранила в качестве переломных этапов жизни деревни: создание колхозов; наступление на личные подсобные хозяйства в 40-50-е годы; укрупнение колхозов; деколлективизацию начала 90-х годов. О переломных моментах в своей жизни крестьяне вспоминают в терминах потери, они стали водоразделом крестьянской жизни, и в философии крестьянского бытия прежде всего ассоциируются со злом и несправедливостью. Понятие "переломный" идентично понятию "разрушительный": разрушалось и само крестьянское индивидуальное хозяйство (или его подобие — крестьянский колхозный двор), и крестьянская общность. И здесь присутствует память об отношениях с властью, хотя речь идет о крестьянском хозяйстве.

Каковы критерии отношений крестьянства и власти в памяти? Какая власть нужна крестьянину? Власть, которая не вмешивается во внутреннюю жизнь крестьянского сообщества, позволяет развиваться крестьянскому хозяйству. Чем сильнее и решительнее вторжение власти, чем сильнее недовольство ею, тем чаще действия властей — источник крестьянской памяти. Например, в дневнике тотемского крестьянина А.А.Замараева — свободолюбивого защитника справедливости — записи по этому поводу минимальны, основное — из года в год, с 1906 по 1922 г. — это записи сельскохозяйственного цикла, цен, податей. Но с 1917 г. в дневнике все чаще появляются прямые характеристики властей: "деревня предоставлена сама себе" (февраль 1917 г.), "Романов Николай и его семья... нисколько не заботились о благе своего народа, и терпение народа лопнуло. Оне довели свое государство до голоду и темноты" (март 1917 г.), "твердой власти нет" (октябрь 1917 г.), "власти твердой и суда нет" (декабрь 1917 г.), "народ стонет: у народу все взяли, а взамен ему ничего не дали" (декабрь 1920 г.), "а власти не очень и заботятся, что народ так мучится" (февраль 1921 г.)¹.

Какое бы крупное событие XX в. ни возникало в памяти крестьян, каждое из них "окрашено" отношениями "власть — крестьянство". В свою очередь, каждое из них — будь то революция 1905-1907 гг., первая мировая война, коллективизация, Великая Отечественная война и многие другие — неоднократно возникает в памяти как актуализация опыта отношений с властью. Так, обращен-

¹ Дневник тотемского крестьянина А.А.Замараева. 1906-1922 годы. М., 1995. С. 54, 155, 175, 177, 232, 233.

ное своей памятью к событиям "германской войны 1914 г." письмо крестьянина одной из черноземных губерний в "Крестьянскую газету" (июль 1928 г.) носило заглавие "Жизнь крестьянина" и по своему жанру становилось обличающим советскую власть памфлетом, в котором "савецкие правители" по отношению к крестьянину выступали такими же изменниками, как некогда в войну "штабы"¹. "Пока устанавливали власть, хуже войны было", — отмечали в конце 70-х — начале 80-х годов псковские крестьяне². "...А коллективизация началась так. Ага, видят они, власть-то, что у людей что-то получается. И ведь хорошее получается! Так давайте мы их прижмем. И прижимали, — это они умели", — оценивал прошлое поволжский крестьянин³. "7 лет со Сталиным работал, 10 лет с Хрущевым, 17 лет с Брежневым. Так что всех вождей знаю. Когда был председателем колхоза, по существу, не давали работать", — вспоминал вятский крестьянин⁴. "Мы жили в светлое время, а сейчас — беспредел. Даже во время войны мы знали, за что умирали и за что трудились..." — констатируют крестьяне России⁵.

Позитивный опыт отношений "крестьянство — власть" в XX в. весьма невелик и очерчивается в крестьянской памяти сравнительно небольшим отрезком времени, когда инвестиционная политика 60-80-х годов пыталась восполнить материальные, человеческие, экологические, нравственные потери деревни. Именно этот период оказался способным повергнуть крестьянство в "соблазн ностальгии" — попыткой вернуться в конструируемое мифологизированное прошлое. "Власть сама жила — и давала жить другим" — вот примерная мотивация обращенности в то время из времени нынешнего. Вместе с тем существуют и другие представления о власти⁶. Память о недавнем благополучном прошлом концентрируется на том, что в нем было то, чего явно недостает сегодня. Если обобщить, то система ценностей, представленных в ответах крестьян преимущественно старшего и среднего поколения центральных регионов России, может быть выражена следующими категориями: "надежность, стабильность, порядок, уверенность, защищенность, законность, обеспеченность, дешевизна, патриотизм, относительная свобода, гордость за страну, духовность".

¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 123. Л. 15.

² 60 лет колхозной жизни глазами крестьян / Публ. Е.Н.Разумовской // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 134.

³ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. С. 204; Там же. С. 28, 55, 97, 155-156, 270, 332 и др.

⁴ Бердинских В.А. Народ на войне. Вятка, 1996. С. 34.

⁵ Голоса крестьян-2. Ч. 1: Крестьяне Белгородской области пишут в Думу. К аграрной программе "Яблока". С. 20; см.: Голоса крестьян-2. Ч. 2: Крестьяне Новгородской области пишут в Думу. С. 3, 5, 22, 28.

⁶ См.: Штейнберг И.Е. Указ. соч. С. 471-472.

Крестьянству неоднократно на протяжении века приходилось испытывать чувство "непройденного прошлого" по поводу отношений с властью, оно испытывает это чувство до сих пор как травму и незаживающую рану.